

В.Ю. Лещенко. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999. 394 с.

В книге рассмотрена история русской семьи с XI по XIX в. Начиная с анализа структуры семьи и ее жизненного цикла (добрачный период, ухаживание, сватовство, свадьба, брачная жизнь, развод, болезни и смерть), автор излагает свои взгляды на окружающий семью быт (жилье, одежда, пища, труд и досуг) и в заключение анализирует механизм управления семьей (обычаи, роль церковного прихода и сельской общины). В конце книги перечислены упоминающиеся в ней работы, предшествовавшие исследованиям и дан словарь древнерусских и устаревших терминов.

По собственному признанию автора, наибольший интерес для него в раскрытии истории семьи «представляла духовная сторона жизни общества, в том числе эзотерическая сторона, исследованная до настоящего времени явно недостаточно» (с. 2). Поэтому большое внимание в книге уделено обрядам и другим скрытым формам поведения, особенно связанным с родами, свадьбой и похоронами.

Историография проблемы семьи в книге отсутствует. Только во введении приведены работы В.А. Александрова, М.М. Громыко, Т.А. Бернштам, да «изящные исследования Н.Л. Пушкаревой, посвященные женщинам Древней Руси» (с. 3) – правда, из них в списке литературы упомянуто лишь одно – «Женщины Древней Руси» – в то время как прямо относящаяся к теме книги монография Н.Л. Пушкаревой «Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997, видимо, осталась автору неизвестной. Во введении к книге упомянуто также и фундаментальное исследование «Русские» (Серия «Народы и культуры»). М., 1997. Общий историографический вывод автора: «По большинству проблем народной культуры не пройдено еще и половины пути, а по многим направлениям обозначено только начало» – с. 3 кажется мне излишне категоричным и не соответствующим действительности. Наоборот, большая часть проблем народной культуры уже основательно изучена и освещена, что не означает отсутствия и «белых пятен», и лакун в разработке этой поистине безграничной для исследования отрасли историко-этнографической науки.

Хотя в самом названии книги указаны очень широкие хронологические рамки работы (XI–XIX вв.), основная часть монографии посвящена второй половине XIX в. Это объясняется в первую очередь наличием необходимых источников. Фактический материал почерпнут автором главным образом из уже опубликованных источников и исследований, хорошо известных в нашей науке. Дополнительно к ним автор использовал Рукописный отдел Российского этнографического музея. Это, несомненно, обогатило его работу, правда, лишь в отношении количества источников. Основное внимание в работе В.Ю. Лещенко уделено вопросу взаимодействия обычного и канонического права в области семейных отношений. Как известно, этой проблемой, начиная с XIX в., занималось не одно поколение этнографов, особенно по вопросам брака, имущественных отношений в семье и проч. Да и сам автор исследовал эту проблему и ранее, особо выделяя при этом негативные стороны влияния православной аксиологии на семейную жизнь русских. В настоящей же работе автор изменил ориентацию своих интересов и стал всемерно подчеркивать «роль влияния православной аксиологии на бытовые отношения в семье и общине» (с. 2.), не забывая при этом, что именно «экономическая мощь церковных институтов является предпосылкой и необходимой основой регулирования брачно-семейных и бытовых отношений на Руси» (с. 360). В этой книге этнограф найдет систематизированный материал по проблеме взаимодействия обычного и канонического права в области семейных отношений.

Хотя в целом книга В.Ю. Лещенко стоит на уровне современных научных воззрений на судьбы русской семьи, тем не менее в отдельных вопросах автор не учел последних достижений в этой области. Это касается в первую очередь имущественного и правового статуса русской женщины. Так, вызывают сомнения безапелляционные и не подкрепленные источниками утверждения автора, что «женщина (в семье. – Л.Л.) не могла ничем распоряжаться самостоятельно» (с. 362) или: «Юридическое положение женщины как супруги было беззащитно» (с. 364) и др. Такая точка зрения давно уже опровергнута как русской, так и зарубежной наукой¹. А в вопросах расторжения брака древнерусские женщины были защищены законом значительно более четко и определенно, чем их зарубежные сестры – этот вывод давно уже обоснован в нашей науке.

Исследование В.Ю. Лещенко подтверждает, что многовековое взаимодействие традиционных элементов народной культуры с православным этическим и нравственным учением стало со временем существенной частью национального духа русских, отразившись в его основной ячейке – семье.

¹ См. об этом: Пушкарева Н.Л. Имущественные права женщин в Русском государстве X–XV вв. // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 180–244; *ее же*. Социально-правовое положение женщины в Русском государстве X–XV вв.: Вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126 и др.

Л.Н. Пушкарев

© 2001 г., ЭО, № 5

A. A. Z n a m e n s k i. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Wesport; London, 1999. 298 p.

Монография профессора Алабамского университета (США) А.А. Знаменского посвящена проблеме взаимоотношений православных миссионеров с тремя различными народами – индейцами-атапасками танаина (денаина, дена), чукчами и алтайцами – в 1820–1917 гг. Во введении автор указывает, что толчком к написанию работы послужило почти полное отсутствие сравнительных исследований по данной теме. Причиной этого, по его мнению, было то, что подобные работы становились легкой мишенью для критики узких специалистов по этноистории конкретных народов, а также из-за увлечения субъективизмом и пренебрежения широкими обобщениями в современных модных теориях, получивших распространение в западной этнологии (р. 2–3).

Три народа (танаина, чукчи и алтайцы) стали объектом изучения не случайно. Все они, как пишет автор, относились к одной культурной зоне, обитали в сходных природных условиях, а в сфере духовной культуры у них господствовал шаманизм (шаманский комплекс). Все три народа имели в указанный период контакты с православной церковью, которая не делала различий между туземцами Сибири и Аляски (р. 3–4). Здесь следует все же немного поправить автора, преувеличившего сходные моменты. Так, чукчи жили в тундре и занимались кочевым оленеводством, южные алтайцы были в основном степными скотоводами, и лишь северные алтайцы и танаина занимались главным образом таежной охотой.

В центре внимания А.А. Знаменского находится не только диалог миссионеров с туземцами, но и проблема воздействия православия на духовный мир последних, заимствование христианских элементов и их преобразование в туземной культуре. По мнению автора, и в марксистской, и в западной историографии наблюдается сходство в характеристике миссионерства лишь как одного из средств ассимиляции туземцев. На самом же деле картина куда сложнее, тем более что восприятие христианских доктрин конкретной группой туземцев было специфическим – на этот процесс оказывал воздействие ряд факторов: уровень социально-экономического развития, численность контактирующих сторон, общие условия колонизации и т.д. Поднимая общие проблемы историографии и используя при этом новейшие работы западных и отечественных исследователей, автор при освещении деятельности миссионеров пытается занять взвешенную позицию, отвергая крайности – условно говоря, «апологетический» и «негативно-обличительный» подходы (р. 5–8).

Первая глава монографии начинается с краткого описания природных условий и особенностей хозяйства и культуры танаина, чукчей и алтайцев. Особое внимание автор уделяет, естественно, традиционным религиозным воззрениям, указывая на несомненное их сходство у всех трех народов, заключавшееся в сильном развитии анимизма и шаманского культа. В то же время имели место и определенные различия в шаманском культе у алтайцев, танаина и чукчей (р. 23–35).

Во второй главе автор рассказывает об истории православного миссионерства, а также об организационной структуре, целях и методах миссионеров в Сибири и на Аляске. Истоки подвижнического и пропагандистского служения православных миссионеров восходят к деятельности пустынножителей и монастырей Северной России, особенно Валаама на Ладоге, откуда, например, отправилась первая православная миссия в Америку в конце XVIII в.

Распространяя сферу влияния на Сибирь и Аляску, миссионеры выступали в качестве своеобразных «агентов» русской колонизации. Однако, как подчеркивает автор, до XIX в. миссионерство не получило